

ЭЛЕОНОРА МАНДАЛЯН

ПРИНЦЕССА ТЬМЫ

Элеонора Мандалян

Принцесса тьмы

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Мандалян Э.

Принцесса тьмы / Э. Мандалян — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Ученый (Вадим) обладает редким даром предвидеть скорые катаклизмы. Он пытается предупредить правительство Москвы о том, что их всех ждет небывалой силы землетрясение. Но ему не верят. О предсказаниях Вадима узнает правитель подземного города, прячущегося в недрах Москвы. Чтобы заполучить ученого, подземный «мэр» приказывает похитить его дочь, девушку Светлану. Осуществляет это ее однолетка – Найт. Найт – дочь «мэра» и некогда похищенной им москвички Сэд. Она жестока и бессердечна, и обучена убивать в целях самозащиты. Подземный народ – это мутанты, тайно паразитирующие на москвичах. Ниже их, в полной тьме обитают еще более страшные мутанты, почти уже не люди, которые во время одного из своих ночных набегов на универмаг зверски убивают сторожей и уводят с собой юношу Степана, случайно оказавшегося у них на пути. Пока «мэр», заполучив Вадима, обрабатывает его, Найт знакомит Светлану со своим подземным царством. Случайно увидевший их Степан влюбляется в Найт. «Мэр» задумал взорвать Москву, избавиться от ее жителей и завладеть городом. Для этого ему и нужен Вадим. Узнав, что он похитил двух москвичей, Сэд, до этого ко всему безучастная, разом оживает. Теперь им всем – Светлане, Степану, Вадиму и Сэд – предстоит освободиться от плена и найти путь наверх. В чью пользу сделает свой выбор Найт?

© Мандалян Э.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Элеонора Мандалян

Принцесса тьмы

Фантастический роман для подростков

ГЛАВА 1

Светлану разбудило глухое бормотание, доносившееся из комнаты отца. Натыкаясь в темноте на предметы, она открыла дверь и прислушалась. Вздохнув, включила верхний свет.

Отец лежал поперек постели и глухо стонал. Его глаза были закрыты, губы плотно сжаты. Подушка валялась на полу.

– Папа... Па-па, – негромко позвала Светлана. – Пожалуйста, проснись. – Он не шелохнулся. – Вадим! – громко и строго произнесла она маминым голосом.

Эффект был мгновенным. Он вздрогнул всем телом, как от электрошока, и начал невнятно озирается по сторонам, не обращая внимания на дочь.

– Она позвала меня! Ты слышала? Правда ведь, слышала?

– Кто, папа? – Тон был самый невинный.

– Не притворяйся! Она была здесь. Рядом со мной. Я ее видел! – Худой, взъерошенный, несчастный, он меньше всего подходил на роль отца.

«Как странно, – подумала Светлана, сочувственно глядя на него. – Иногда он кажется мне стариком, иногда чужим, пугающе непонятным странником, а сейчас вот ну просто мальчишка-сирота.»

– Опять что-то привиделось? – Она покачала головой, совсем как мама. – С тобой не соскучишься.

Подняв с пола подушку, Светлана взбила ее и подсунула отцу под голову. Он тотчас обхватил ее руками, со страдальческой гримасой закрывая глаза:

– Одни и те же кошмары каждую божью ночь... Это просто невыносимо.

– Что тебе снится, папа? Расскажи. Может тогда они перестанут тебя беспокоить? – Светлана взяла отца за руку.

А он уже снова был во власти сна, иначе не стал бы пугать ее. И, подчиняясь требовательному голосу, так похожему на голос его жены, загипнотизированно заговорил, временами затихая или переходя на невнятное бормотание. Светлане приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова.

– Я вижу Землю. Большой, насквозь прогнивший шар. Изъеденный. Изрытый. Смердящий... О-о, этот жуткий треск! – Его лицо болезненно сморщилось. – Шар дрожит. Вибрирует и... Ой! Он лопается! Черные страшные трещины разбегаются во все стороны. Как черви... или змеи. Трещины по краям загибаются, закручиваются кожурой гниющего плода. Из них сочится черная жижа... клубится страшный смертоносный туман... Он переливается всеми цветами радуги. Он как живой. Густой и едкий... Я задыхаюсь. Он выжигает меня изнутри... О, Боже, что это?..

Отец умолк, вцепившись побелевшими пальцами в подушку. Светлана видела как неистово мечутся его глаза под закрытыми веками.

– Что ты сейчас видишь, папа, что?

Облизнув пересохшие губы, он неожиданно снова заговорил, невнятно и сбивчиво, ловя ртом воздух. – Они лезут! Лезут отовсюду. Из щелей, трещин, дыр. Из недр земных.

– Кто? Да кто же лезет?

– Не знаю. Нечисть. Нелюди. Монстры. Студенистые... Они просвечивают насквозь.

– Папа, папочка, проснись! Не надо больше. Я боюсь. Умоляю тебя, проснись.

– Да разве я сплю? Я вижу их. Вижу! Они все лезут и лезут. А те вон слепые, ушастые. Они отвратительны. Они хотят завладеть нами и миром. Этого нельзя допустить. Никак нельзя. Иначе случится непоправимое. – Последние слова он шептал уже одними губами, погружаясь в глубокий сон, пока окончательно не затих.

Светлана укрыла отца одеялом и, погасив свет, на цыпочках вернулась к себе. А потом долго не могла уснуть, тревожно вслушиваясь в ночную тишину.

Вот уже два года отца мучили кошмары. Это началось вскоре после смерти матери. Светлана тоже тяжело переносила утрату, но кошмаров не бывало. Да и при чем тут бедная мама, если он видит во сне такое. Может с отцом что-то неладное? Может ему следует показаться психиатру, невропатологу или кому там еще?.. Подобные мысли часто тревожили ее по ночам, но утро начиналось как обычно, и она успокаивалась.

Отец вставал раньше нее, надевал мамин передник и принимался готовить завтрак, пытаясь сохранить хоть видимость жестоко поломанной семьи. Готовить он не умел. Все, за что бы он не брался, получалось или недоваренным, или пережаренным. Но Светлана мужественно принимала отцовскую стряпню, а когда оставалась одна, садилась за изучение маминих кулинарных записей.

Вадим... Он всегда был немного странным. По крайней мере не таким как все. Жил, как в коконе, в своем собственном замкнутом мире, никого в него не допуская, даже жену, которую боготворил. А последние несколько месяцев он стал совсем как одержимый. Обложился стопками книг, из-за которых даже головы его видно не было, иной раз сутками не вылезая из-за письменного стола. Целый месяц ежедневно, как на работу, он ходил в библиотеку. Потом началась полоса «командировок» за свой счет. Он летал на Север, на Дальний Восток, на озеро Байкал. И всякий раз, возвращаясь, что-то сосредоточенно вычерчивал, высчитывал, измерял и сопоставлял. А по ночам мучился кошмарами. «Еще бы, ни один мозг не выдержал бы такую нагрузку, – сокрушалась Светлана. – Беда с ним да и только.»

А с неделю назад Вадим принялся расчищать на столе книжные завалы. Разорвал и сжег несколько килограммов исписанной и исчерченной бумаги, пока не осталась на столе одна единственная тонкая папка. Наутро, поместив папку в дипломат, Вадим начал поспешно собираться.

– Пап, ты куда?

– На финишную прямую, – напряженно улыбнулся он. – Люди должны узнать то, что знаю теперь я. Это очень важно, дочка.

– А как же я? – взбунтовалась вдруг Светлана. – У меня последние летние каникулы, ты знаешь. Все следующее лето мне придется готовиться к вступительным экзаменам. Мои друзья и одноклассники разъехались – кто на море, кто на даче, кто за границей. Одна я в душной Москве торчу. Так нечестно, папка! Я умру от скуки в этих четырех стенах.

На какой-то момент Вадим растерялся. На его лице отразились мучительные раздумья, Впрочем быстро сменившиеся упрямой решимостью.

– Я все понимаю, но видишь ли, Лана, – хмуро проговорил он, не глядя на нее, – если я не сумею довести начатое до конца, следующего лета может просто не быть. И нас с тобой тоже.

– Что ты такое говоришь!?. – опешила Светлана.

– Что говорю? – отключенно повторил он и, спохватившись, поспешно добавил: – Не бери в голову. Кажется, я неудачно пошутил. Будь умницей и не хнычь. Утешь себя тем, что ты дочь великого провидца... или великого болвана. Право же, я многое бы дал, чтобы оказалось верным второе.

Теперь каждое утро, в 9 часов, он уходил из дома как на работу. В руке неизменный дипломат с таинственной папкой. Возвращался лишь под вечер, усталый, мрачный и неразговорчивый. И в довершение ко всему эти его ночные кошмары. Светлана и предположить не могла, что он видит такое.

– Папа, ты запоминаешь свои сны? – как бы между прочим спросила она за завтраком.

– Еще бы, – на лице Вадима появилась гримаса отвращения. – Я знаю их все наизусть.

– Расскажешь? – Светлана бросила на отца лукавый взгляд.

– Ни в коем случае. На что тебе всякие бредни, – отмахнулся он.

– Ну почему же бредни. Мама всегда говорила, что твои сны вещие. Что они обязательно все сбываются.

– Твоя бедная мама заблуждалась.

– А эта ужасная авиакатастрофа, – не унималась она. – Ты увидел во сне пожар на самолете за неделю до ее возвращения из Канады. Ты же сам мне потом... когда все это случилось, сказал.

– Было такое. – Вадим тяжело вздохнул и, помолчав, задумчиво добавил: – Но то, что мне снится теперь, ни в какие ворота не лезет. Маразм какой-то. Такого в жизни просто не существует. Может сны мои аллегоричны, иносказательны... не знаю. Не могу сам ничего понять.

Бросив взгляд на часы, Вадим заспешил и, приложившись горячими от кофе губами к светланиному лбу, подхватил свой неизменный дипломат.

– Надеюсь, хоть сегодня мне повезет. Не дуйся и не скучай, – крикнул он уже из передней. – Иначе я не могу. Просто не имею права.

Тяжело хлопнувшая входная дверь возвестила о начале тоскливого одиночества. Но к счастью... к счастью ли?... на сей раз Светлане скучать не пришлось. Более того, с этого самого дня не только со скукой, но и с прежним образом жизни было покончено навсегда.

Позвонил Андрей – мамин двоюродный брат, и позвал Свету с собой на смену. Она с радостью согласилась. Андрей – машинист московского метрополитена, веселый, общительный холостяк. Он был лет на 10 старше Светланы, и ей нравилось, что он обращается с ней как с равной. Рядом с ним она чувствовала себя взрослой, самостоятельной и в то же время защищенной. Уже само общение с дядей было для нее праздником.

ГЛАВА 2

Устроившись между двумя машинистами, Андреем и Стасом, Светлана приготовилась к захватывающим дух странствиям во чреве Москвы. Ведь одно дело ездить на метро в ярко освещенном вагоне, созерцая лишь лица пассажиров и станции, и совсем другое – в кабине машиниста, откуда видны все подземные тоннели. К ее разочарованию все оказалось намного обыденнее и прозаичнее, чем она себе представляла.

Записанный на магнитную ленту жизнерадостный женский голос объявлял станции, а мелодичный гонг, сменивший, наконец, надоевшее «Осторожно, двери закрываются», оповещал о начале и конце посадки. Пестрый людской поток то опорожнял, то наполнял голубые обтекаемые вагоны. Светлана наблюдала за этим, доведенным до автоматизма процессом через большое круглое зеркало, подвешенное на платформе, у головного вагона.

Мягкий толчок, и просторные подземные залы сменяются тусклыми, еле освещенными (или не освещенными вовсе) тоннелями. Две-три минуты, и снова «дворец», украшенный гранитом, мрамором, барельефами, медальонами, бронзовыми скульптурами; мозаикой, фресками, красочными витражами. Бесчисленные светильники щедро изливают электрический свет на все это великолепие... Но какую москвичку удивит станцией метро. С самого рождения метро – неотъемлемая часть ее быта. А вот прячущиеся в загадочном мраке тоннели, несущиеся навстречу, в лобовое окно кабины – дело другое.

– Вам не надоедает изо дня в день ездить по кругу, не встречая на своем пути ни машин, ни прохожих, не видя ни солнца, ни луны, ни снега, ни дождя? – поинтересовалась Светлана.

– Нисколько, – весело отозвался Андрей. – Работа, в прямом смысле, не пыльная, спокойная. Даже уставать не успеваем. Ни тебе пробок, ни дорожных происшествий.

– К тому же всегда сухо и тепло, – добавил Стас. – Ни откуда не каплет.

– И никто вас не контролирует, никто за вами не следит?

– Ну что ты, без контроля нельзя. Все на электронном табло и в компьютере главного диспетчера. Там фиксируется и координируется движение поездов, отслеживаются их маршруты. Попробуй, к примеру, проскочи семафор на красный свет, выбейся на минуту из графика или самовольно, без санкции сверху, остановись посреди тоннеля – тут же поднимут тревогу. А как же иначе. Мы все взаимосвязаны. Скорости сама видишь какие, и дело мы имеем с живыми людьми, с тысячами и тысячами людей. Это тебе, Светик, не фунт изюма, – закончил свою лекцию Андрей.

– Я бы, наверное, не смогла всю жизнь работать под землей, – задумчиво проговорила Светлана.

– Что так? – улыбнулся Андрей.

– Не знаю. – Она неопределенно пожала плечом. – Я люблю когда вокруг меня много воздуха и света, когда ничего не давит, не ограничивает обзора. Когда можно глазеть по сторонам. Нет, точно не смогла бы. Не выдержала бы и недели.

– Ерунда, – заверил ее Андрей. – Дело привычки. человек, знаешь ли, такое удивительное существо, ко всему привыкает.

Умолкнув, Андрей сосредоточенно следил за дорогой, разветвившейся на несколько убегающих во тьму рукавов. Совсем близко с бешеной скоростью пронесся встречный поезд. Когда разветвления кончились, оба машиниста расслабились, доверившись автоматике.

Чтобы немного развеселить племянницу, Андрей сказал, лукаво подмигнув напарнику:

– Представляешь, Стас, как нам с тобой сейчас завидуют длиннохвостые обитатели тьмы. Небось отродясь не видавали такой хорошенькой, такой молоденькой машинисточки.

– Ой! – Светлана безглаголиво наморщила нос. – Неужели здесь водятся мыши?

– Мыши что – мелочи жизни, – поправил ее Стас. – Бери выше: крысы! Злющие, вот такие. – Он растопырил скрюченные пальцы и, оскалившись, сделал зверское выражение лица.

– Да ну вас! – замахала руками Света. – Чего пугаете?

– Не веришь? – продолжал розыгрыш Андрей. – А ну-ка, старик, тормозни.

Замедлив грохочущий бег, состав плавно остановился посреди тоннеля.

– С ума сошли! – ужаснулась Светлана. – А если на нас сзади другой поезд налетит? Сами ж только что говорили, что самовольно останавливаться не имеете права.

– Не бойсь, – улыбнулся Андрей. В его серых лукавых глазах плясали чертики. – Мы тебя с ветерком катали. И теперь идем с опережением графика почти на целую минуту. Так что можно чуточку и постоять.

– А про крыс...это мы так, дурака валяли. Не бери в голову, – успокоил юную гостью Стас.

Прижавшись носом к стеклу, Светлана без особого интереса разглядывала тоннель: бесконечные жилы и вены коммуникаций выстилали сумеречное нутро железобетонной кишки. Недобрым стальным блеском скалились на свет фар рельсы – две внизу и одна, самая коварная, сбоку. Андрей объяснил, что если коснуться ее, стоя на рельсах, умрешь мгновенно. А в общем ничего особенного. Мрачно, скучно и пустынно. Даже обещанных крыс не было.

Поезд вздрогнул и снова ожил, равномерно, неспеша набирая скорость. Светлана, все еще стоявшая, прижавшись к стеклу, вдруг испуганно отпрянула. Оба машиниста, изменившись в лице, быстро переглянулись. Забыв об осторожности, Андрей резко рванул состав, придерживая однако Светлану, чтоб лицом о стекло не ударилась. Теперь они неслись вперед так, что только в ушах гудело.

Лишь когда состав, мягко проскользив вдоль забитой людьми платформы, остановился, Андрей пытливо заглянул в глаза Светланы и улыбнуться:

– Что случилось, малыш? Почему так побледнела?

Светлане как-то сразу расхотелось кататься на метро, а поезд уже снова покидал освещенную станцию.

– К...кто это был? – растерянно пробормотала она, прижимаясь к Андрею, стараясь не смотреть больше в мрачную глубину несущегося навстречу тоннеля.

– Мало ли, – как можно беззаботнее отозвался Андрей. – Может неисправность какая в проводке, и электрик, не дожидаясь ночного перерыва, вышел на объект. Знаешь, какой гигантский персонал обслуживает московский метрополитен.

– Нет. Это был не электрик. – Она так энергично замотала головой, что волосы хлестнули ее по глазам. – Я не уверена даже, что это был человек. Он... он посмотрел на меня. У него были злющие презлющие глаза, как у дикого зверя.

– Да у тебя, малышка, богатое воображение. Ты у нас, оказывается, фантазерка. Крысы это уж куда не шло. Но чтобы человек с глазами зверя, тут, по-моему, явный перебор. – Однако во взгляде Андрея больше не плясали веселые чертики.

– Я видела его! – стояла на своем Светлана. – Так же ясно, как сейчас вижу вас двоих.

Андрей и Стас снова переглянулись.

– Тебе все показалось. Поняла? – неожиданно резко, с нажимом проговорил Андрей. – Забудь. Ничего и никого ты не видела.

Светлана озадаченно уставилась на дядю. Он никогда так не разговаривал с ней.

Вынырнув из тоннеля, они «причалили» к очередной платформе, остановились перед зеркалом заднего обзора. Светлана рассеянно наблюдала сквозь него за сутолокой у вагонов, когда в кабину вдруг, как к себе домой, вошел человек в форме работника метрополитена.

– Почему здесь посторонние? – не поздоровавшись, осведомился он. И, видя замешательство машинистов, приказал: – Трогайте. По дороге разберемся.

Насупившись, Андрей взялся за рычаг. Светлана исподтишка разглядывала странного субъекта с львиной гривой похожих на лесной пожар волос, с отвратительно широким носом и удобно сидящими на нем массивными очками, сквозь которые подозрительно и въедливо глядели удивительно бесцветные водянистые глаза.

– Итак? Я жду объяснений, – менторским тоном проговорило рыжее начальство, едва поезд начал набирать скорость.

– Простите, а с кем, если не секрет... – попытался перехватить инициативу Андрей.

– Я не обязан представляться каждому своему машинисту, – отрезал тот. – Извольте отвечать на заданный вам вопрос.

– Девочка моя племянница, – нехотя проговорил Андрей.

– Грубейшее нарушение инструкций, – констатировал рыжий. – Посторонних в кабине машиниста быть не должно. – Теперь его глазки буравили обоих сразу.

– Знаю, – вынужденно согласился Андрей. – Виноват.

– За ошибки иногда очень дорого приходится платить, – ледяным тоном изрек начальник. – Стоит один раз оступиться, и несчастье тут как тут. – Обведя всех троих изучающе-фиксирующим взглядом, он подозрительно спросил: – А что это вы какие-то... опрокинутые? Что-то уже стряслось?

ГЛАВА 3

Упал на сцену тяжелый занавес. Смолкли последние аплодисменты. Актеры разошлись по своим уборным, спеша избавиться от грима, париков и мало удобных костюмов. Облокотясь о перила узкого железного балкона, Степа проводил их сверху задумчивым взглядом. Ему всегда хотелось понять, как скоро расстанется актер с героем, под именем которого только что плакал и смеялся, любил и ненавидел. С последним поклоном? С отгородившим сцену от зала занавесом? Или вместе с остатками грима? Спросить не решался. Кто он для них. Помощник осветителя – мальчик на побегушках. Много бы отдал Степа, чтобы когда-нибудь вот так же, как герой спектакля, выйти гордо на сцену в пышном парике и широкополой шляпе с пером, в развевающемся атласном плаще и с длинной шпагой у пояса, пусть бутафорской. Но он знал, что мечтам его не суждено сбыться. Он и в школе-то больше прогуливал чем учился. Куда уж ему в институт, да еще Актерский.

К тому же, по его глубокому убеждению, внешность у него была далеко не сценическая. Длинный, сутулый, скуластое лицо как правило небрито. Правда одна знакомая девчонка призналась как-то, что обожает его глаза и руки. Вот так прямо и сказала. При свидетелях! И с тех пор он всякий раз, оказавшись перед зеркалом, внимательно изучает свои сокровища. Только все понять не может, чего она в них нашла. Руки как руки – крупные кисти с ровными пальцами, увенчанными траурной каемочкой под неподстриженными ногтями. Ну а глаза... Узкие, длиннющие, аж до висков, изумрудно-зеленые, как светофор, под козырьком черных густых ресниц. Глаза на его мальчишески угловатом лице будто живут сами по себе. Они то безмятежно-безучастные ко всему внешнему, как спящие перед зарей озера, то вспыхивающие сумасшедшинкой, как новогодние бенгальские огни.

– Степан! – хрипло гаркнул осветитель откуда-то из-под правой ложи. – Заснул что ли? Фильтры неси, бездельник.

– Ща-ас! – отозвался парень, боднув головой воздух, чтобы избавиться от вечно падающих на глаза волос.

– Юпитеры проверил?

– Все проверил, Трофим Трофимыч.

– Уверен? – В голосе осветителя слышался недобрый подвох.

– Ага.

– Ах ты шалопай безрогий! А правый крайний над левой ложей?

Степа посмотрел вверх – правый крайний и впрямь преспокойно светил себе под штатив, свесив свою железную башку.

– Дьявол! – выругался он. – Лезь теперь опять туда, на самую верхотуру. – И крикнул вниз: – Щас выключу, чево ж шуметь-то.

Но тут из-за сцены донеслись тревожные женские крики.

«Неужто горим?!» – первое, что пришло на ум Степе. Забыв про прожектор, он стал пообезьянни проворно спускаться.

Сбежались все – режиссер, реквизитор, костюмер, администратор. И конечно актеры – взъерошенные, полуодетые, с размазанным по лицу гримом. Степа своих кумиров никогда прежде такими не видел.

Пожилая актриса – виновница переполоха, не переставая причитать, хваталась то за сердце, то за голову. Ее лицо, как пасхальное яичко, покрывали разноцветные полосы и подтеки. То был грим смешанный с кровью.

– Марья Семенна, успокойтесь, прошу вас, – увещевал администратор. – Возьмите себя в руки. Объясните толком, что там стряслось, что с вашим лицом.

– Это ужасно...ужасно! – задыхаясь, вымолвила актриса, продолжая размазывать кровь по лицу. – Альберта Арнольдовича похитили.

– То-есть как это «похитили»? – нахмурился администратор. – Что вы такое говорите?

– Не знаю. Не понимаю. Я ничего не могу понять. Я... – Мария Семеновна всхлипнула как маленькая.

– Машенька! Душечка... – Режиссер взял в ладони ее пухлую руку, погладил, похлопал, будто приручая испуганного зверька. – Давай по порядку. Ну же, соберись.

Остальные окружили их плотным кольцом.

– Я в гримерной была, – взволнованно начала пострадавшая. – Альберт Арнольдович, как всегда, помогал мне после спектакля. Грим у меня, сами знаете, сложный, одной не справиться. И вдруг через зеркало я увидела позади нас что-то черное, ползущее по стене от двери. Я не успела понять, что это было: змея или чья-то рука в черной перчатке. Или еще что. Скорее всего рука. Она наощупь подбиралась к выключателю. Онемев от неожиданности, я следила за ней. Но верхний свет вдруг погас. А вслед за ним взорвалась лампочка над гримерным столом. Вместе с плафоном. Меня, видимо, обсыпало осколками. Острая боль. Темень. Страх.

Спеша рассказать о случившемся, актриса говорила скороговоркой, без остановки, не давая себе возможности перевести дух, и оттого задыхалась. Судорожно глотнув, она продолжала:

– Все это длилось, я думаю, меньше минуты. Бедный Альберт Арнольдович даже слова не успел вымолвить. А потом началось самое ужасное. Не слышно было ни шагов, ни голосов, и в то же время я чувствовала, что окружена со всех сторон. Какие-то странные, едва уловимые шорохи. И не шорохи даже – движение воздуха. Будто воздух вокруг меня ожил и двигался сам собой. Я ощущала его не ушами а кожей. Это трудно передать. Я не могла кричать. Не могла сдвинуться с места. Мне казалось, я сейчас умру от разрыва сердца. Обыкновенные воры или злоумышленники так себя не ведут. Некто передвигался в абсолютной темноте и ни на что, представьте, не наткнулся. Когда, наконец, движение воздуха прекратилось, я поняла, что одна в комнате. Я окликнула Альберта Арнольдовича...Никто не ответил. – Она умолкла, прижав руки к груди и трагически изогнув брови.

– Наталья Иванна, – воспользовавшись паузой, обратился режиссер к костюмерше, – окажите помощь пострадавшей. Промойте ей раны, продезенфицируйте... Дальше, Машенька. Что было дальше?

– Я рискнула выбраться из кресла и, преодолевая страх, пошла к двери, беспорядочно шаря в темноте. Если б наткнулась на ту черную руку, умерла бы на месте. Но я благополучно добралась до выключателя... Мне нечего больше добавить. Пойдите, взгляните сами. Может у меня на почве стресса начались галлюцинации. – Будто куль с провизией, актриса тяжело рухнула на стул, прикрыла утомленно глаза, подставив израненное лицо подоспевшей с тазиком костюмерше.

– А где наш гример? – раздалось сразу несколько голосов.

– Исчез, – не открывая глаз, проронила актриса.

– Ах, да о чем она говорит! Ну кому, скажите на милость, могло придти в голову похищать старого гримера? – озадаченно вопрошал молодой герой-любownik.

– Лучшего гримера! – поправил ему хор голосов. – Лучшего гримера всех московских театров!

– Пусть так, но похищать-то зачем? – стоял на своем вопрошавший. – Не антиквариат ведь. Не музейная редкость. Не дедушка миллионера. Ну переманить, ну перекупить, это я еще могу понять...

– Нужно вызывать врача! – перебила разглагольствовавшего актера костюмерша. – Тут в коже осколки стекла застряли. Сама я вытаскивать их не рискну.

– Сейчас я позвоню, – отозвался администратор. – Вот только взгляну на место происшествия.

Отворив дверь в гримерную, он растерянно остановился на пороге. Позади него сгрудилась вся театральная труппа, для которой владения старого мастера были привычны и знакомы до мелочей. Основным украшением гримерной были великолепные французские парики, натянутые на бюсты-болванки, опоясывающие просторную комнату по периметру. Эти парики, как и сам старый мастер, были гордостью театра. Теперь же на недоуменно застывших в дверях людей безглазо взирали выкрашенные в серебряный цвет лысые болванки.

– Парики исчезли! Все до единого! – ужаснулся режиссер. – Какой кошмар! Мы же без них ни одного спектакля не сыграем.

– А грим! – не своим голосом взвизгнул реквизитор. – Мы только что получили из Голландии целую партию. На валюту! Даже распаковать и разложить по местам не успели. Все коробки лежали сложенными здесь, у окна... – Он беспомощно обернулся к собравшимся, с зыбкой надеждой и мольбой в голосе спросил: – Может знает кто, где они могут быть? Может их без моего ведома на склад днем отнесли?

Ему никто не ответил. Отвечать было нечего. Реквизитор принялся поочередно выдвигать ящики шкафчиков и гримерных столов. И уронив руки, мрачно констатировал:

– Все унесли. Подчистую. Даже початые коробки.

– Ладно. Грим – дело наживное, – сказал режиссер. – Где Альберт Арнольдович? Я ж без него пропаду. Никто, слышите, никто мне его не заменит... Да что же вы, батюшка, торчите здесь как... как оболваненная болванка! – напустился он на администратора. – Делайте же что-нибудь, черт вас возьми! Ищите. Звоните. Заявляйте в милицию. Достаньте мне его хоть из под земли, слышите! И живым! Обязательно живым! Иначе... иначе провал. У нас на три месяца вперед билеты распроданы. Зрители меня с потрахами съедят.

Все дружно бросились на поиски пропавшего гримера. Опросили сторожей и вахтеров, монтажников, технический персонал. Никто не видел его выходящим из театра – ни одного, ни тем более в сопровождении.

– Чудеса да и только! – беспомощно разводил руками администратор. – Чертовщина какая-то. Мистика.

– Может гуманоиды его того...на своей тарелочке умыкнули? – сделал предположение осветитель. – Предлагаю прочесать крышу.

– Не к месту шуточки, – раздраженно огрызнулся администратор.

– Взгляните сюда! – Топтавшийся позади всех Степан указал на кусочек шерстяной ткани, застрявший на гвозде.

– Батюшки! – воскликнул актер-трагик. – Клочок его шарфа!

Этого можно было и не говорить. Никто в театре не представлял себе Альберта Арнольдовича без длинного шарфа из шотландской клетчатой шерсти, неизменно, в любое время года обмотанного вокруг его шеи, и ультрамаринового берета набекрень.

Гвоздь, обладатель ценной улики, торчал в косяке дверей ведущих в подвальные службы сцены. Собравшиеся переглянулись.

Сунув голову в дверной проем, но не переступая порога, режиссер громко позвал: – Альберт Арнольдович!

Подвал ответил недобрым молчанием. Всем стало как-то неуютно и каждому захотелось домой – в свою тихую, защищенную квартиру.

– Что за ерунда... – пробормотал режиссер, отступая назад, к толпящейся в смятении труппе.

Обыскивать обширные, многоярусные подвалы, заставленные нужными и ненужными приспособлениями, было делом гиблым и небезопасным. Особенно если верить Марье Семеновне, что в театр проникла целая банда злоумышленников. И, чтобы как-то скрыть малоду-

шие, не признаться в нем ни себе, ни тем более собственной труппе, режиссер подозвал администратора:

– Вы позвонили в милицию, голубчик?

– Разумеется. С минуты на минуту придут.

– Вот они пусть и разбираются. Тут нужны квалифицированные специалисты, а не такие как мы дилетанты. Мы им можем только улики затоптать.

Его замечание сразу всех устроило, тем более что собственного режиссера положено слушаться. И незадачливые следопыты, тревожно озираясь по сторонам, поспешили убраться восвояси.

Отступая последним, Степа снял с гвоздя всеми забытую улику и, повертев ее в руках, сунул себе в карман.

– Эй, парень! – окликнул его осветитель. – Ты-то, надеюсь, никуда не спешишь?

– Не-а. А что?

– Да скинуться бы надо на пузырь. В таком деле, брат, сам понимаешь, без поллитра не разобратся.

– Уволь, Трофимыч. Я пасс. – Степа виновато опустил лохматую голову.

– Увиливаешь, – обидился Трофимыч. – Компанию портишь. Начальству перечишь.

– Мне бабки на другое нужны.

– Это на что же? Уж не жениться ли собрался? А может за кордон драпануть?

– Лосины задумал купить. Лайковые, – нехотя признался Степа.

– Балда! Да тебе на них ни в жисть не скопить. Не по себе дерево рубишь.

– Ну это мы еще поглядим. – Глаза Степана полыхнули зеленым пламенем и затаились, как в пещере, в тени длинных ресниц.

Засунув руки в карманы потрепанных джинс, он, не прощаясь, направился к выходу. Пальцы правой руки погрузились в мягкое тепло шерстяного лоскутка.

«Небось таких никчемных, как я или Трофимыч, не украдут, – подумалось Степану. – Никому и в голову не придет сказать: Лучший осветитель Москвы и Московской области. Такое всей своей жизнью заслужить нужно. Да и то не у всякого и получится.

ГЛАВА 4

Светлана отказывалась принять случившееся. Возможно ли? Два человека, с которыми она еще днем болтала и шутила, вдруг ни с того, ни с сего оказываются холодными, бездыханными трупами! И один из этих двух – ее родной, любимый дядя... Нет, она не плакала. Ее глаза были сухи и горячи. Горячи от жжения. Распахнув ресницы, она лишь изумленно смотрела на отца. Или сквозь него. И это немое оцепенение пугало Вадима больше, чем если бы она кричала и плакала навзрыд. Он искал и не находил нужных слов, чтобы утешить ее. Не находил, в первую очередь, потому, что острое предчувствие, возникнув внезапно, не покидало его: Вот оно, началось!

И все же именно ему надлежало взять себя в руки. Ноша, которую он добровольно взвалил на свои плечи, исключала малейшее проявление слабости с его стороны. Календарные странички осыпались с быстротой и неотвратимостью осенней листвы, ни на минуту не позволяя забыть, что колесо истории катит их к краю пропасти. Каждую ночь в своих навязчивых кошмарах он созерцал дно этой пропасти.

Чтобы не оставлять Светлану одну, Вадим старался почаще брать ее с собой. Дочь не могла понять, куда и зачем отец так настойчиво ходит, чего добивается. Сопровождать его было еще большей пыткой, чем оставаться одной дома. На улице она то и дело оглядывалась, нервничала. Ей постоянно мерещилось, что за нею следят, что и она должна умереть так же внезапно и необъяснимо, как это случилось с Андреем и Стасом.

– Да успокойся ты, Светик-Светлячок! – тщето увещевал Вадим. – Выкинь глупости из головы. При чем же тут ты?

– Не знаю, папа. Но мне страшно. Я спиной чувствую на себе чей-то пристальный, враждебный взгляд. У меня от него мурашки бегают.

– Ну тогда тебе, наверное, лучше несколько дней побыть дома. А я постараюсь не задерживаться.

– Ой, нет! Дома еще хуже! – запротестовала Светлана. Но, видя как помрачнело лицо отца, поспешила смириться: – Не обращай на меня внимания, папка, занимайся своими делами. Мне действительно лучше побыть дома... Но ты ведь не долго, правда?

Оставшись одна, Светлана бесцельно слонялась по комнатам и не могла заставить себя хоть чем-нибудь заняться. Чем больше думала она о двух смертях, тем очевиднее становилась для нее их некая таинственная связь с произошедшим в тоннеле. Они увидели кого-то, кого видеть им не полагалось. Но ведь и она была там! Она первая увидела *это*! А значит... Неприятная дрожь прошла по телу – озноб, возникший в костях. Такого противного, леденящего тело и душу, холода она еще никогда не испытывала.

Светлане безумно хотелось поделиться случившимся с отцом, но нарушить обещание, данное Андрею, особенно теперь, когда его уже нет в живых, она не могла. Ее захлопнули как шкатулку. Заперли на ключ снаружи, а ключ унесли в другой мир. В шкатулке нет окон. В ней душно, тревожно и одиноко.

А что если для конспирации изменить внешность? – возникла малодушная мысль. Светлана подошла к зеркалу, пытаясь взглянуть на себя как бы со стороны. Темно золотистые крупные локоны лежали на, совсем еще по-детски, хрупких плечах. Мальчишеская фигура, будто и не ей пошел шестнадцатый год. Зрачки такие огромные, что сливаются с темно-синей радужкой в один бездонный колодец. Пухлый рот приоткрыт буквой «О», и даже нос почему-то кажется вопросительным знаком. Лицо бескровное. Не лицо, а черно-белая гравюра под названием «Страх».

– Ну на кого ты похожа? – разозлилась на свое отражение Света. И, подхватив первую попавшуюся книгу, поспешила вон из квартиры.

Она спустилась во двор. Было около семи часов вечера, но солнце и не собиралось покидать небосвод. На детской площадке еще играли дети. Поодаль, на лавочке судачили старушки. Где-то под крышей громко и настойчиво ворковал голубь. Развалясь на боку, жмурилась на солнце тигроподобная рыжая кошка. Толстый веснушчатый парень выгуливал такого же толстого пятнистого боксера. Завидев их, кошка с шипением вскочила и в мгновение ока взлетела на ствол липы. Кругом были люди – обычная, каждодневная, будничная жизнь. Никто из окружающих, преимущественно детей и старушек, не мог вызвать у Светланы подозрений. Под нежными касаниями ветерка листва над головой что-то тихонько нашептывала, успокаивая, баюкая.

Светлана сидела на скамейке с нераскрытой книгой на коленях, бездумно глядя в выгоревшее на солнце летнее небо, изливавшее на нее целебный покой.

«До чего ж хорошо жить на свете! Просто *быть* и все, – невольно подумалось ей. – Просто видеть Солнце, засыпать и просыпаться вместе с ним. Улыбаться, когда небо сияет и хмуриться если хмурится оно. Вслушиваться в говор листвы, журчанье ручья, голоса людей. Сколько удивительного, волнующего во всей этой кажущейся обыденности.»

Впервые подобные мысли посетили ее, когда для мамы весь этот великолепный мир, полный звуков и красок, перестал существовать. И вот теперь снова... Должно быть лишь сталкиваясь со смертью дорогих тебе и близких людей, понимая вдруг, что жизнь конечна, что она может внезапно оборваться в любую минуту, по-настоящему осознаешь ее бесценность.

На другой конец скамейки тяжело и бесцеремонно плюхнулась незнакомая девица. Вздвогнув от неожиданности, Светлана недовольно покосилась на незнакомку. Она выросла в этом дворе и практически знала всех, кто гулял здесь, но эту видела впервые. Конечно и с улицы любой мог забрести в их уютный зеленый дворик.

Девица была тонкая, длинная и бесцветная, как тянувшийся из корзины к свету худосочный картофельный росток. Не обращая внимания на Светлану, она вытащила из-за пазухи пушистый живой комочек и стала забавляться с ним.

Демонстративно раскрыв книгу, Светлана попыталась углубиться в чтение, но почувствовала, что перечитывает одну и ту же страницу, не вникая в смысл. Ее внимание привлекала незнакомка. Блеклые, неопределенного цвета волосы рыхлой косой свисали с макушки. Она казалась бледной, даже болезненной. Серый балахон, который и платьем-то не назовешь, делал ее похожей едва ли не на нищенку, если бы не две детали ее «туалета» – небрежно брошенная на скамейку дорогая сумочка из тонкой кожи с узорчатым тиснением и золотой медальон на достаточно массивной золотой цепи поверх балахона.

– Ну же, погуляй немного. Подыши воздухом, – ворковала меж тем девица, опуская своего питомца на скамейку.

Теперь Светлана могла сполна удовлетворить свое любопытство. Вид зверька, беспомощно тыкавшегося в деревянные рейки, настолько поразил ее, что, отбросив книгу, она во все глаза уставилась на диковинное создание. Мордочка у зверька была очень узкая, вытянутая, с прозрачным шариком на конце. Шарик-нос покрывали бесчисленные дырочки или ноздри. Изящные нежные лапки заканчивались гроздьё розовых, хрупких на вид коготков с подушечками-присосками на концах. Хвоста у зверька не было вовсе. Прозрачная ноздрястая носопырка беспрестанно двигалась, обнюхивая скамью.

– Ой, мамочки, что это!?! – не удержалась Светлана.

– Это?.. Плут, – ответила незнакомка неожиданно низким, грубоватым голосом. И равнодушно осведомилась: – Нравится?

– В жизни не видала ничего подобного! – призналась Светлана. – Что это за зверь?

– А шут его знает. – Девица небрежно пожала плечом. И, бросив на соседку по скамейке быстрый, изучающий взгляд, со скрытой завистью проговорила: – Какие у тебя красивые волосы. Как с картинки.

– Волосы как волосы, – отмахнулась Светлана, целиком поглощенная созерцанием зверька.

Луч заходящего солнца, пробившись сквозь листву, коснулся лица незнакомки. Слабенький, утративший дневную силу луч. Болезненно сморщившись, она заслонила от него рукой.

– Что, глаза болят? – проявила участие Светлана.

– Вот досада. Забыла солнечные очки. – Порывшись в сумочке, девица в сердцах отшвырнула ее.

– Не велика беда. Солнце-то уже садится. А почему он так странно ведет себя?

– Кто, Плут? Безглазый потому что.

– Как это!?

– Ну как-как, слепой он.

– Совсем-совсем? Как крот?

– ...Ага.

– Бедняжка. Как же он живет? Как находит пищу?

– Не переживай. Без проблем.

– Кусается?

– Не-а.

– А можно его потрогать?

– Валяй.

Светлана с опаской коснулась полосатой шкурки. Шерсть оказалась и жесткой, и податливой одновременно, как иголки у прирученного ежа. Расхрабрившись, она подсунула ладонь ему под брюшко, голое и холодное.

Зверек, ощутив тепло, тотчас доверчиво устроился у нее на ладони, свесив лапки.

– Какой милый, – растрогалась Светлана.

– Ты ему понравилась... Хочешь поменяться?

– На что!?

– Я тебе Плута, ты мне свои волосы.

– Скажешь тоже, – обидилась Светлана, возвращая зверька на место.

– Да пошутила я. Бери так. Дарю.

– Тоже шутка?

– Бери, бери, пока я добрая. – «Картофельная» девица впервые улыбнулась. – Тебя как зовут-то?

– Света. А тебя?

– Найт.

– Как?!.

– Найт, – повторила та. И видя ее удивление, объяснила: – Мамина фантазия... Забавно получается. Правда? Ты – свет, я – ночь. Кормить знаешь как?

– Нет, конечно.

– Червяками. Земляными.

Светлана нахмурилась:

– Да где же я их возьму?

– Во дворе под цветами накопаешь. Их полно, где земля жирная. Можно и мухами. Ночными бабочками, термитами, пчелами... А вообще-то он запросто обходится целый месяц без еды.

– Спасибо тебе. Огромное. – Светлана прижала к груди полосатый, шумно сопящий комочек и вскрикнула: – Ой, какой у него нос! Как рашпиль.

– Ты где живешь? – деловито осведомилась Найт.

– Вон в том подъезде. На третьем этаже. Квартира 17, – тотчас сообщила Светлана.

– Ладно. На днях загляну. Посмотрю как с ним справляешься. Может червяков принесу. – И, закинув на плечо сумочку, она как бы сползла со скамейки, а потом только осторожно выпрямилась во весь рост. – Пока.

Странная незнакомка в сером балахоне словно бы и не ушла, а растворилась с последним лучом сгоревшего за домами солнца. Такое совпадение поразило Светлану. На всякий случай она крепче прижала к груди свое сокровище, чтобы и оно чего доброго не исчезло. Удивительно, но благодаря этому полосатому беспомощному комочку тоска и тревога вдруг отступили. Появилось существо куда более несчастное чем она. И оно нуждалось в ее заботе.

– Лана? Что ты тут делаешь, одна, в сумерках?

– Вернулся! Наконец-то! – Девочка вскочила. – Я не одна. Вот, смотри! – Она протянула отцу зверька.

– Что это?

– Не что, а кто. Его зовут Плут.

– Ничего не понимаю. – Вадим с недоумением разглядывал диковинное существо. – Не щенок. Не котенок. Не морская свинка. Не хомяк. И даже не крыса. Тогда кто же?

– Это неизвестный науке зверь, – улыбнулась Светлана. Улыбнулась впервые после того как узнала о гибели Андрея. – И он теперь мой.

– Очень мило. Но как он к тебе попал?

– Подарили.

– Не говори загадками. Кто?

– Да так, одна девочка со двора. Вышла с ним погулять, увидела, что он мне понравился и отдала.

– Странно...

– А что тут странного? Ты же знаешь, как это у ребят бывает. Сначала страсть как хочется завести кого-нибудь, потом каждодневные заботы надоедают. И вот...

– Ага, теперь понятно. Нашла, так сказать, кому сбегать. Ну ладно. Может оно и к лучшему. Отвлечешься немного. Пошли домой, я ужасно голодный.

– Ой, да я ж ничего не приготовила! – спохватилась Светлана.

– Очень хорошо. Я тут всякой всячины накопил.

– Какой же ты молодец, папка! Ты меня спас. – И она засеменила рядом с отцом к подъезду.

Устроив зверька в коробке из-под обуви, она отправилась на кухню.

Они сидели друг против друга. Монотонно тикали часы, бубнил из гостиной телевизор. Вадим молча жевал, глядя в одну точку, не замечая, казалось, что ест. Светлана сочувственно поглядывала на него.

– Опять неудачный поход?

– Неудачный, – вздохнул Вадим, не меняя позы. – И еще... Сегдня стали известны результаты повторной экспертизы.

– Ну и?..

– В крови обоих обнаружен один и тот же, не известный науке яд.

– Яд!?! – Светлана побледнела. – А может... может они напару отравились чем-нибудь во время перерыва? Может съели что-то некачественное?

– Это был яд мгновенного действия.

– Может укусила какая-то пакость?

– В разных местах и в разное время?

– Тогда, значит, их отравили.

– Исключается. Ни в пищеварительном тракте, ни в легких присутствие яда не обнаружено. Только в крови. При полном отсутствии следов внешних повреждений.

Забыв о еде, Светлана озадаченно смотрела на отца:

– А разве так бывает?

– Не знаю, солнышко, не знаю. – Он отключенно теребил салфетку. Потом встал, швырнув ее на стол. – Пойду в кресло. А ты готовь чай. Только со свежей заваркой.

Погруженный в свои мысли, Вадим полулежал с закрытыми глазами, не глядя в экран, пока одна информация не привлекла его внимание. Неведомые грабители неведомым путем проникли на московскую продовольственную базу и унесли все, что там было. Не килограммы – тонны продуктов. При этом ни замки, ни окна взломаны не были. И вообще никаких следов чьего-либо присутствия обнаружить не удалось. Комментатор классифицировал случившееся как ограбление века.

«Создается впечатление, что месячный запас продовольствия просто испарился, как ртуть, сам по себе, – резюмировал он. – Сработано настолько чисто, что одни склонны винить во всем изголодавшихся на чужбине инопланетян, другие намекают на вмешательство потусторонних сил. Так или иначе, о результатах ведущегося расследования мы будем вас информировать.»

Тихий скребущийся звук коснулся слуха Вадима.

– Ла-на! – крикнул он. – Поди-ка сюда. Ты что-нибудь слышишь?

Светлана остановилась в дверях. Прислушалась. Звук был равномерным и монотонным, как если бы кто-то старательно пилил лобзиком кусок фанеры.

– Ой, да это ж наверное Плут! – сообразила она, бросаясь к обувной коробке. – Совсем про него забыла.

Новое местожительство зверька было пусто. Светлана ползала на коленях по полу, заглядывала во все углы, под мебель, за занавески, под и за батареи. Зверек, оправдывая свою кличку, затаился, притих. Решив перехитрить его, затаились и Светлана, выжидая, кто кого. Она победила. Пилежка возобновилась. Не поднимаясь с колен, девочка крадучись поползла на звук. Заглянула под сервант:

– Па! Он где-то здесь. Но ничего не видно.

Отец принес фонарик и, опустившись рядом с дочерью на колени, направил луч под сервант. Зверька там не было. Только круглая дырка величиной с грецкий орех в стене, над плинтусом. И горка рыжего порошка перед ней.

– Папа, папа, посвети-ка туда!

Дырка оказалась довольно глубокой, и внутри ее, что-то темнело.

– Вот это да... – озадаченно пробормотала Светлана. – Настоящий подкоп.

– Но здесь капитальная кирпичная кладка. Как же он мог прогрызть ее?

– Ты лучше скажи, как его оттуда выговорить. И как он вообще там помещается. Дырка-то по диаметру в несколько раз меньше его. Задохнется ведь.

– Может спицей его кольнуть? Или вилкой поддеть?

– Скажешь тоже, – рассердилась Светлана. – Что же делать-то, а? Ну что мне с ним делать? – Она чуть не плакала.

А зверек, не обращая уже на них внимания, самозабвенно пилил, уходя все глубже в стену. Горка рыжего песка у плинтуса росла на глазах.

– Плут! Миленький Плут... Ну пожалуйста...

Пилежка вмиг прекратилась. Послышалась возня, и из норки вывалился круглый, покрытый рыжей пылью задок. А потом они увидели его всего целиком. Встряхнувшись по-собачьи, он окутался облачком пыли.

– Плут. Плутиска. Лапочка мой, – умильно ворковала Светлана.

Повернувшись на голос, зверек затрусил напрямик к ней. Она подхватила его на руки, стряхнула остатки кирпичной пыли и прижала к себе.

– Лана, а ведь он вылез на твой зов!

- Ну да. А что тут особенного?
- Так не кошка ведь, не собака, а кличку свою знает.
- И вообще для слепого он ориентируется просто потрясающе.
- Слепого, говоришь?
- Ну да. У него и глаз-то нет.
- Не может быть! Дай-ка я посмотрю.

Они все еще сидели на полу перед сервантом. Вадим даже фонарик выключить забыл. Он внимательно обследовал мордочку зверька и вынужден был согласиться: – Действительно нет... Странно. Очень странно. – Ухватив зверька за прозрачную ноздрястую пуговку, он заглянул ему в пасть и даже присвистнул от удивления. – Вот это да! Похлеще рыбы пиррани.

Челюсти зверька были усеяны двойным рядом зубов – мелких, острых, скошенных назад, как зубья пилы.

– Да с таким подарком природы не то что кирпич, гранит перепилить можно. – Вадим вдруг нахмурился и строго спросил: – Лана, откуда у тебя это чудо-юдо?

- Я же тебе рассказывала еще там, во дворе.
- Вернешь обратно. Завтра же. У нас будут из-за него неприятности.

Она и сама понимала, что будут. Такого стенопроходца на месте не удержать. К тому же он наверняка и спать им не даст.

- Ты знаешь, где живет его хозяйка?
- Нет, но она обещала зайти.
- Ну а пока что делать с ним будем?
- Может в ванну на ночь посадим? Надеюсь, эмалированный чугунок ему не по зубам.
- Окей. А завтра я хотел бы забрать его с собой.
- Куда??
- В одну лабораторию. Покажу кой-кому. Он меня очень заинтересовал. Если я не ошибаюсь, это милое создание живет глубоко под землей и прогрызает себе норы в твердых, окаменевших породах.

– Может его вывезли с каких-нибудь заморских островов?

– Не знаю, не знаю... – задумчиво проговорил Вадим, как-то странно глядя на зверька. – Не нравится мне все это.

- Что именно?
- А все, что последнее время вокруг нас происходит.

Показать диковинное существо специалистам Вадиму так и не удалось. По той простой причине, что наутро никакого зверька в ванной не оказалось. Плут бесследно исчез. Напрасно Светлана бегала по квартире, выкрикивая и нашептывая его имя. Они обследовали всю ванную комнату – ни на кафель, ни на чугунок зверек явно не покушался.

– Вариант только один, – Вадим в раздумье почесал затылок. – Он ушел через сливной трап.

– Да на трапе же железные перегородки. Что он таракан что ли?

– На то и плут, – невесело улыбнулся Вадим. – Видимо, набор уникальных зубов и ноздрей не единственная его компенсация за отсутствие глаз. Жаль, если твой Плут не отыщется. Ну ладно, я побежал. Говори, хозяйюшка, что к ужину принести?

– На сегодня у нас все есть. Разве что хлеб. И приходи сам поскорее. А деньги зря не трать. Мама говорила, надо быть экономным. А еще знаешь, что она говорила? – Светлана улыбнулась. – Когда муж гений, с ним нельзя расслабляться. Так вот, теперь мне достается за нее.

– Иногда ты мне ее так напоминаешь, что хочется выть от боли. Интонации. Манеры. Выражения.

– Понятное дело, ведь я ее дочь, – тоном мудрой женщины подтвердила Светлана и добавила, грустнея: – А мне не иногда, мне постоянно выть хочется. И днем... и особенно ночью. Кстати, ты снова стонал во сне. Опять кошмары?

– Пустяки, – отмахнулся Вадим, не желая тревожить дочь. И, поцеловав ее в макушку, с виноватым видом взялся за свой дипломат. – Я очень люблю тебя, девочка моя. Знаю, маму мне тебе не заменить, но дороже тебя у меня нет никого на целом свете.

– И у меня тоже, папа. Не задерживайся, беги. Пусть тебе повезет хоть на этот раз.

ГЛАВА 5

Рассеянно расплетая и заплетая косу, Найт сидела перед телевизором. Его экран был единственным освещением в комнате. В призрачных отблесках мелькавших изображений ее лицо казалось мертвенно бледным.

Неожиданно возникший гул заставил ее насторожиться. Утробный, набирающий силу, он рождал безотчетный панический страх. Найт вскочила. Пошатнулась. Осела, будто ее ударили под коленки. В шкафах задребезжала, танцуя, посуда. С треском побежали по экрану помехи, а потом стало совсем темно – телевизор сам выключился... Гул прекратился. Тревожная гнетущая тишина подступила со всех сторон.

– Мама! Ма-ма! – срывающимся голосом позвала Найт.

– Я здесь, – отозвался женский голос. Сквозь распахнувшуюся дверь в комнату ворвался электрический свет. – Испугалась?

– А то нет. – Найт отвернулась. От света или от матери?

– Не впервой ведь.

– Так сильно еще не было. Там что-то случилось. Серьезное. А может эти гады прокладывают новую линию метро?

– Может. – Голос женщины прозвучал отчужденно, почти враждебно, и вместе с тем безучастно. Казалось, потрясение, пережитое дочерью, не затронуло ее.

– Дрожь в ногах не проходит, – ворчливо пожаловалась Найт.

– Это от страха.

– Глупости. А посуда все еще дребезжит тоже от страха?

– У нас тут постоянно что-нибудь дребезжит, – отмахнулась женщина. – Да только своды видно очень прочные. К сожалению.

Найт злобно уставилась на мать, но не успела ничего ответить. В комнату стремительно вошел отец.

– Папа, что это было? – бросилась к нему Найт.

– С вами все в порядке?

Женщина хранила молчание.

– Ничего не разбилось? – Он подошел к резному застекленному шкафу и, обследовав содержимое полки, облегченно вздохнул.

– Ты скажешь, наконец, что произошло? – Найт ухватила его за рукав и с силой дернула.

– Река обвалилась, – будничным тоном ответил отец.

– Река???

– Не беспокойся. Это в трех километрах отсюда. Нам ничего не угрожает. Зато там грохот невообразимый. Хорошо что у нас не слышно. Терпеть не могу шума.

– Ну если она разрушила мои замки! – Найт погрозила кулаком невидимой реке.

– Не разрушила, – успокоил ее отец. – Это ей не под силу.

– И что теперь будет?

– А ничего. Одной рекой больше, одной меньше, какая разница... Можешь пойти полюбоваться. Знатный получился водопад.

– Что у нас сейчас, день или ночь? – отключенно поинтересовалась женщина.

В мрачном молчании мужа угадывалось раздражение.

– Должно быть ночь. Спать что-то хочется, – сделала заключение женщина и, зевнув, направилась к двери.

Отец и дочь переглянулись.

– Пусть уходит, – сказал он. – А мы с тобой обсудим наши дела.

Оседлав спинку уличной скамьи, Степа следил за судорожными скачка-ми стрелки городских часов. Нервничал. Когда длинной стрелке оставалось до верхней точки двадцать скачков, а короткая почти подобралась к цифре «8», он с нарочитой медлительностью сполз со скамьи и, засунув руки в карманы, в развалоч-ку направился к универмагу.

Поднявшись на второй этаж, Степа прошелся вдоль вереницы бутиков, искусно изображая праздно шатающегося ротозея. И никто даже не догадывался, как колотится его сердце... Работа в театре, пусть помощником осветителя, не прошла для него даром.

Вот и заветный бутик модной мужской одежды! Его взгляд равнодушно скользнул по аккуратно развешанным брюкам – шелковым, шерстяным, трикотажным, и вспыхнул алчным блеском при виде лайковых лосин – лиловых, фисташковых, кремовых, бежевых... «Балдёж!» – беззвучно прошептали его губы. Белые лосины висели особняком на выставочном стенде, а под ними значилась издевательская, астрономическая цена.

«Трофимыч прав, ни в жисть не скопил бы», – промелькнуло в голове Степана.

Магазинчик был практически пуст. Кассирша подсчитывала дневную выручку. Две молодые продавщицы, готовясь к вечеру, «наводили марафет». Наблюдая за ними через большое настенное зеркало, Степан сделал вид, что хочет покинуть магазин, и, улучив момент, юркнул под прилавок. Забрался в лежавший на боку пустой ящик, сложился как перочинный ножик и затаился, будто его там и не было. Воплей и суматохи не последовало – значит не засекли.

Прошло несколько тягостных, бесконечно долгих минут прежде чем под высокими потолками универмага залился долгожданный звонок. Степа напряженно вслушивался в шаги продавщиц, в их удаляющиеся голоса. Залы, коридоры, парадные и боковые лестницы, быстро пустея, затихали. Но из подсобок и служебных помещений еще долго доносились приглушенные голоса. Наконец, смолкли и они. Степа решил устроиться поудобнее. Он знал, ему еще сидеть тут и сидеть. До ночи еще далеко, а сквозь огромные витринные стекла весь универмаг, как открытая сцена театра, где он – единственное действующее лицо.

От длительного вынужденного бездействия напряжение отпустило, уступив место скуке. Он думал о вчерашнем дне. Вчера ему исполнилось семнадцать. Такая дата! Но ни отец, ни мать даже не вспомнили о его дне рождения. Они ссорились и грызлись целый месяц, и именно вчера приняли окончательное решение разводиться. «Разводятся» они по десять раз на год. Но в день его семнадцатилетия! Это уж слишком! Этого он им не простит. А ведь загодя намекал про лосины. И к отцу подъезжал, и к матери. Черта с два. Могли бы раскошелиться, но не захотели. Или забыли, что не менее обидно. «Ладно, – решил Степан, – раз так, я сам о себе позабочусь, не привыкать. А если влипну, тем лучше. Может хоть это заставит их вспомнить про сына.»

Скрюченное тело затекло и ныло. Под прикрытием прилавка Степан бесшумно выкатился из ящика и, подавив стон, растянулся на полу. Освобожденная кровь весело побежала по жилам. Решив ждать до победного, он подложил руки под голову и не заметил как уснул.

Еще раз, на всякий случай, Светлана прошлась по дому, окликая Плута и прислушиваясь. Нигде не скреблись, не пилили. Она никак не могла поверить, что зверек провалился в зарешеченный трап.

В дверь позвонили. Светлана вздрогнула. Вот так, без предупреждения мог заходить к ним только Андрей. Увы, теперь уже не мог. Ее сердце тоскливо сжалось. С опаской приблизившись к двери, она громко спросила:

– Кто там?

– Открывай. Свои. – Светлана сразу узнала этот низкий глуховатый голос. От сердца отлегло. Но тотчас возникло чувство неловкости. Что она ей скажет? Как объяснит?

Отперев дверь, Светлана изумленно отступила. На площадке стояла яркая, жутко модная девица в темно-вишневых лайковых лосинах, в свободного покроя черном блузоне с кроваво-красной, стекавшей каплями, надписью: «HORROR». Крупные локоны обрамляли ее нежно-розовое лицо. Искусно наложенный грим изменил ее внешность до неузнаваемости. Только переброшенная через плечо сумочка с узорчатым тиснением была та же и странный на вид медальон с глазком посередине на золотой цепи.

– Вот, пришла, как обещала, – покровительственно-небрежным тоном сообщила Найт. И так как Светлана все еще озадаченно разглядывала неожиданную посетительницу, недовольно добавила: – Предложишь войти или так и будем торчать на лестнице?

– Ой, извини, пожалуйста! – спохватилась хозяйка. – Ты так преобразилась... Встреть я тебя на улице, ни за что б не узнала.

– А-а, это, – она сделала неопределенный жест у лица. – Папин гример хохмы ради со мной повозился.

– Твой папа артист?

– Артист? – Найт на мгновение задумалась и, усмехнувшись, подтвердила: – Можно сказать и так. В некотором роде. – С независимым видом прошествовав в гостиную, она с любопытством озиралась по сторонам. – Покажи мне, как ты живешь, – не попросила, потребовала Найт.

– Обыкновенно живу. Как все. А что?

– Да покажи, не жмись. Хочу сравнить.

– Смотри. Секретов нет, – пожала плечами Светлана.

Не дожидаясь более любезного приглашения, гостя отправилась в обход по квартире. Заглянула в комнату Светланы и в отцовскую спальню. Повертелась на кухне. Особенно заинтересовала ее ванная комната. Она открыла по очереди все краны, отскочив от брызнувшего ей на голову душа. Сунула нос в унитаз. Заметив, что Светлана во все глаза наблюдает за ней, поспешила покинуть ванную. Ее внимание привлекло распахнутое настежь окно. Облокотившись о подоконник и, казалось, начисто забыв обо всем, она долго смотрела на соседние дома, на густую зелень деревьев, на играющую внизу детвору, на плывшие по небу облака.

– Потрясно! – изрекла Найт, наконец оторвавшись от затянувшегося созерцания.

– Что именно?

– Вид, говорю, из окна потрясный. – Не дожидаясь приглашения, гостя плюхнулась на диван, бесцеремонно закинув одну ногу на подлокотник. Обведя скучающим взглядом стандартную мебель, обклеенные обоями стены с двумя-тремя простенькими пейзажами в гипсовых рамах, она скривила губы и впечатала клеймо на зардевшиеся щеки Светланы: – Фигово. Фигово живешь, москвичка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.